

Будущее постимперских обществ XXI века

Нации, гражданский национализм и демократия

Эмиль Паин

В ходе политических дебатов и теоретических дискуссий последних лет так и не удалось продвинуться в понимании целого ряда важных вопросов о роли нации и национализма в современном мире и в политической модернизации России. Неоднозначны оценки исторической необходимости перехода от имперского политического режима к национальному государству. По-разному понимается взаимосвязь модернизации с идеологией гражданского национализма, а последней – с демократизацией. Одни сторонники политической модернизации вовсе не видят ее связи с национальной консолидацией России. Другие видят, но понимают национальную консолидацию и ее идеологию крайне узко – лишь как явления, основанные на этнической мобилизации. Третьи считают гражданский национализм устаревшим и противопоставляют ему космополитизм. Все три перечисленных подхода представляются мне контрпродуктивными как для России, так и для огромного числа стран, народы которых попали в историческую ловушку, стадиальную воронку. Ее суть в том, что политические основы жизни таких обществ в составе иерархических империй (не важно, в качестве метрополии или колоний) уже нарушены, а у некоторых разрушены полностью, в то время как условия, характерные для государства-нации, пока не появились. Данная статья обобщает мои аргументы на этот счет, высказанные в ряде обсуждений.

НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИИ

Летом 2012 г. я участвовал в дискуссии по поводу доклада известного социолога и философа Ульриха Бека «Как жить и справляться с проблемами мирового общества риска: космополитический поворот». Главная идея состояла в необходимости сменить парадигму *методологического национализма*

Э.А. Паин – доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ, генеральный директор Центра этнополитических исследований.

(«устаревшей» и «провинциальной», по словам автора) на *космополитизм*. Единственным объяснением сути методологического национализма в этом докладе выступал постулат, согласно которому «...национальное государство и национальное общество являются “естественными” социальными и политическими формами современного мира». Нет сомнения, что профессор Бек трактует сущность того, что он называет «национальным государством» в современном европейском смысле, т. е. не как этнического государства, например, этнических немцев или японцев, а как государства граждан, вне зависимости от этнических, религиозных или расовых различий. При этом такие национальные государства могут быть как унитарными (Франция, Италия, Швеция и др.), так и федеративными (Швейцария, Германия, США и др.). Вероятно, знаком он и с предложением Альфреда Степана выделять асимметричные федерации, включающие ареалы компактного расселения сообществ с разными этническими или религиозными идентичностями, особым термином «государство-нация» вместо «нация-государство», применяемого им к более однородным культурным сообществам.

Итак, упрек Бека к методологическому национализму относится лишь к ограниченности взгляда на мир сквозь призму национального государства, поэтому немецкий философ, работающий в Англии и выступающий с лекциями по всему миру, призывает к повороту в сторону интернациональной космополитической парадигмы.

Идея эта не новая, и тяга к космополитизму определенного слоя западной элиты, а также рост их оппозиционности к ценностям национальной привязанности людей к определенной стране была отмечена давно, например Сэмюэлем Хантингтоном в книге «Кто мы?». Правда, с тех пор ситуация в мире изменилась. Нарастают трудности интеграции иммигрантов в принимающие сообщества, проявилась неэффективность базовых моделей управления этим процессом; мировой кризис резко обострил противоречия национальных интересов в самой интернационализированной части западного мира – в Европейском союзе. Все это обусловило новый подъем национализма на Западе и ослабление популярности космополитических идей. И все же я могу понять сохраняющийся, хоть и не столь мощный, как несколько лет назад, критический пафос выступлений некоторых европейских коллег в отношении *nation-states*. В Европе они существуют уже несколько веков, поэтому здесь может быть заметен кризис политий этого типа. Но может ли приесться пища, которую не пробовал? Можно ли назвать архаичной идею нации для государств, в которых наций никогда не было?

На протяжении нескольких веков сосуществование разных этнических и религиозных культур на территории России определялось имперским поряд-

ком. Империя – это антипод государства-нации, основанного на принципах народного суверенитета. «Власть над многими народами без их на то согласия – вот что, – по мнению Доминика Ливена, – отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия».

Формула «*власть без согласия народов*» необязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии, она лишь показывает, что воля граждан и их ассоциаций, например этнотерриториальных сообществ, не имеет значения для функционирования иерархически организованного, авторитарного имперского порядка. Для определенных эпох он был адекватным, а для многих народов даже спасительным. Так, завоевание Сибири в XVII – начале XVIII в. и включение ее в состав России буквально спасло от вымирания целый ряд малочисленных народов (ханты, манси, селькупы и многие другие). До прихода русских их грабили, уничтожали физически или вытесняли в непригодные для жизни места более крупные народы. Российская империя, будучи прагматически заинтересованной в сохранении численности покоренных народов как плательщиков подати – *ясака*, оберегала жизни так называемых «ясачных народов». Но ситуация менялась с изменением целей колонизации. Если эта цель – территория, то избыточное население на ней – помеха, от которой избавляются. Так было при завоевании Северного Кавказа в XIX веке. В марте 1864 г. в одном из заключительных донесений о ходе Кавказской войны Великий князь Михаил Николаевич рапортовал: «Все пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от устья Кубани до Туапсе очищены от враждебного нам населения». На этом рапорте сохранилась резолюция императора Александра II: «Слава Богу».

Советский Союз был своеобразной империей, сущность и цели которой менялись в разные периоды. Ее начальный этап (первые 15 лет) гарвардский историк Терри Мартин назвал «империей позитивных действий» (*the Affirmative Action Empire*). Такой империей, которая не только не препятствовала становлению национальных автономий, но и сама их конструировала, помогая создавать и письменную культуру некоторых народов. Вместе с тем уже сам процесс конструирования так называемых «социалистических наций и народностей» в 1920-х – начале 1930-х гг. был насильственным. Административные границы зачастую рассекали единые этнические массивы или произвольно объединяли разные народы без их согласия в составе союзных и автономных республик. Многие вооруженные конфликты на Кавказе в конце XX века стали прямым следствием такого конструирования. А уж в конце 1930-х и особенно в 1940-х гг. Советский Союз проявил себя как классическая репрессивная империя. В наибольшей мере он проявил себя в этом качестве на Северном Кавказе и в прилегающих к нему районах юга

России. Именно оттуда в 1943–1944 гг. были депортированы в Казахстан (по данным архивов НКВД) около 700 тыс. человек (чеченцы, ингуши, калмыки и др.). Общее число погибших в ходе депортации, по оценкам общества «Мемориал», превысило 100 тыс. человек.

Эхо депортации отдается и ныне многочисленными территориальными и этническими конфликтами. Однако важнейшим, самым долгосрочным и почти тотальным следствием существования имперской политической системы является сформированное ею имперское сознание – патерналистское и подданническое, выступающее альтернативой и преградой сознанию гражданскому. Последнее определяется как менталитет людей, участвующих в управлении государством и осознающих свою ответственность за него. Еще Аристотель считал государство формой общежития граждан, включенных во власть. Только участие в управлении создает гражданина как главного субъекта государства. Вот как раз осознание своей политической субъектности трудно формируется у жителей империй.

Мы еще остановимся на том, в каких кризисных ситуациях жизни постимперских обществ происходит разрушение подданнического сознания и начинает формироваться сознание гражданское. Пока же отмечу, что доминирующей чертой российского массового сознания к началу XXI века являлась уверенность в том, что «от нас (народа) в государстве ничего не зависит». И эта отчужденность общества от управления обусловлена вовсе не генетической особенностью населения или имманентными, неизменными свойствами российской культуры, а адаптацией людей к сохраняющимся элементам иерархического имперского порядка, зачастую искусственно реанимируемого властью.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

В 1900–1909 гг. в мире, по подсчетам Роберта Даля, существовало лишь восемь стран, политический режим которых можно было назвать демократическим. В 1940–1949 гг. таких стран насчитывалось уже 25, и они составляли треть всех тогдашних государств мира. В 1994–1997 гг. 86 стран (то есть 45% от общего числа существовавших) определялись Далем как имеющие признаки «демократических», а к 2008 г. Фонд Бертельсмана к таковым отнес уже 125 государств, составляющих 65% всех стран мира и охватывающих более 70% населения планеты. Не вызывает сомнений направленность эволюции политических режимов в сторону превращения демократии из локального и маргинального явления (начало XX века) в глобальную норму. К ее достижению в начале XXI века стремится подавляющее большинство стран. Вот и Россия по Конституции определяется как демократическое го-

сударство, и все ее постсоветские лидеры публично подтверждали демократический выбор России.

Вместе с тем, по данным упомянутого Фонда Бертельсмана, Россия включена в число государств, оцениваемых как «дефектные демократии». Другие международные исследовательские группы определяют политический строй России как «гибридный, полуавторитарный режим» или даже как «авторитарный, не консолидированный режим». Да и сам президент Владимир Путин в своей предвыборной статье 2012 г. «Демократия и качество власти» в той или иной форме отметил специфику российской демократии. Во-первых, российское общество, по мнению Владимира Путина, еще не вполне готово к использованию демократических механизмов; во-вторых, подготовка его к «настоящей демократии» (такое определение дается в статье) требует *повышения качества государственной власти*. Что же под этим понимается? Укрепление той самой централизованной системы – «вертикали власти», название которой неразрывно связано с именем Путина. Эту же вертикаль властная элита считает основным условием сохранения целостности страны, поэтому нулевые годы стали временем возрождения элементов имперского порядка в территориальном управлении России. Воссоздана иерархия наместников, назначаемых центром для управления провинциями; налоговая политика изменилась в пользу центра; возросла его роль в распределении бюджетных средств; снизились возможности самоуправления территорий.

Мое отношение к этим идеям неоднозначно. Я согласен с тем, что целый ряд нынешних свойств российского социума препятствует демократизации России. Прежде всего к таким характеристикам я бы отнес слабое, присущее пока лишь узким социальным слоям гражданское самосознание и связанную с этим неготовность большинства населения воспринимать себя в качестве главного субъекта политики, суверена в государстве. Однако при этом я отрицаю способность вертикали власти, неоимперского порядка целенаправленно содействовать демократизации; напротив, именно такой порядок является главным ее тормозом.

Имперский авторитарный порядок подавляет развитие гражданского самосознания, в связи с этим и в постимперский период у народов, прошедших сквозь горнило этой системы, социальная и политическая консолидация чаще всего складывается на основе не гражданской идентичности, а так называемых аскриптивных идентичностей (этнической, религиозной, расовой). В начале 1990-х гг. в России стали бурно развиваться национальные движения в республиках федерации: чеченское, татарское, якутское и другие, а в конце 1990-х гг. оживился русский национализм. Так включились

механизмы «этнополитического маятника», когда циклы активности движений, выступающих от имени этнических меньшинств, вызывают активизацию движений от имени русского этнического большинства, а их подъем дает импульс для нового витка активизации меньшинств.

Этническая и религиозная мобилизация населения как продукт постимперских условий, в свою очередь, породила многочисленные проблемы, прежде всего этнические и религиозные конфликты в Российской Федерации. Особенно напряженная обстановка складывается на Северном Кавказе. В докладе международной неправительственной организации *International Crisis Group* (октябрь 2012 г.) современное противостояние официальных силовых структур России незаконным вооруженным формированиям в регионе оценивается как «самый кровопролитный конфликт в современной Европе». По данным свежего исследования Виталия Белозерова, Россия входит в десятку стран мира по количеству террористических актов, совершенных с 1990 по 2012 г., и занимает третье место по числу жертв терактов, пропустив вперед только Ирак и Пакистан.

Ксенофобия в России, в основном в ее центральных регионах, и по масштабу превышает европейскую, и по характеру совсем другая. Все российские социологические службы показывают, что основным объектом ксенофобии жителей крупнейших городов выступают не иммигранты, как в Европе, а российские граждане, выходцы с Северного Кавказа. Уровень неприязни к ним в пять-шесть раз выше, чем к выходцам из Средней Азии, составляющим сейчас основную долю мигрантов. Народы Северного Кавказа, включенные в состав Российской империи еще в XIX веке, и сегодня не входят в образ единого российского «мы» в сознании большинства населения страны. Этот образ (воображаемое сообщество, которое Бенедикт Андерсен считал основой нации) вообще не имеет в России четких очертаний.

В 1970 г. американский политолог Данкворт Растоу сформулировал идею о том, что «национальное единство является единственным предварительным условием демократии», все остальные ее составляющие возникают уже в процессе развития демократизации. Но сам этот процесс не может начаться до формирования нации – главного субъекта демократической политики. Потребовалось почти полвека, чтобы в России начали понимать справедливость этой фундаментальной идеи, а также точность афоризма Айвора Дженнингса: «Народ не может решать, пока некто не решит, кто есть народ».

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Для России национальная консолидация является не только предпосылкой демократизации, но и условием простого выживания. Как обеспечить кон-

солидацию? Политическая нация – не государство, не его население и даже не только гражданское общество, но еще и общность, связанная единими культурно-ценностными узами. Это справедливо подчеркнул Михаил Ходорковский в своей лекции «Между империей и национальным государством». К сожалению, в ней культурная основа наций понимается узко и сводится лишь к традиционной этнографической культуре (языку, истории, религии, обычаям). Такой подход выбивается из мировой научной традиции. Почти полтора века назад Эрнест Ренан, которого можно назвать основоположником культурологической теории нации, восклицал: «Нация – это душа, духовный принцип», но одновременно подчеркивал, что «этнографические соображения не имели существенного значения в организации современных наций». Ренан сравнивал испаноязычную Америку, говорящую на одном языке, но не являющуюся единой нацией, и швейцарскую нацию, использующую четыре языка: «Желание Швейцарии объединиться, вопреки различию ее языков, представляет более важный факт, чем сходство языка... Нация – это великая солидарность».

Уже Ренан подошел к пониманию гражданской культуры как основы национальной консолидации, однако в наиболее развернутом виде эта концепция сформирована учеными XX века, прежде всего Габриэлем Алмондом и Сиднеем Вербой в их классическом труде «Гражданская культура». Ее суть и основное отличие от предшествующих культур – патриархальной и подданнической – в том, что гражданская культура «партиципаторная» («участническая»), активистская. Она объединяет людей, апеллирующих не к единству крови или верности монарху, вождю, правителю, а к единству прав и обязанностей коллективного главного субъекта власти: «Мы, народ, – источник власти».

Разумеется, хорошо известны исторические примеры, когда локомотивом гражданской культуры и двигателем национальной консолидации становился либо этнический национализм, либо религиозная мобилизация. Может ли русский национализм стать основой национальной консолидации всех граждан России? Накапливается все больше аргументов для отрицательного ответа на этот вопрос.

Если русский национализм не одержал политическую победу в начале прошлого века, то тем более не победит сейчас. Тогда он имел неизмеримо лучшие, чем ныне, возможности для выдвижения на лидирующие позиции. С 1905 по 1917 гг. первые националистические партии, и прежде всего «Союз русского народа», создавались в условиях подъема шовинизма после этнических погромов, негласно поддержанных властями, поэтому были формально самыми массовыми. Тем не менее на выборах в Государственную

думу Российской империи всех четырех ее созывов они ни разу не завоевывали большинства. Русский народ не поддержал их и позднее, в 1918–1921 гг., в ходе гражданской войны. Ныне даже в этнически однородных русских краях и областях русский национализм не получает массовой поддержки ни на выборах, ни в опросах общественного мнения, несмотря на чрезвычайно высокий уровень ксенофобии.

Русский национализм не является лидером и в аудитории интернета. В России число интернет-пользователей достигло на весну 2012 г. 59,5 млн человек (это более половины взрослого населения). Интернет стал основным организатором массовых движений, однако структура политических предпочтений его пользователей примерно такая же, как у российского населения в целом. Об этом свидетельствуют результаты исследования Левада-центра накануне выборов в Государственную думу. Подавляющее большинство пользователей аполитичны, лишь 3% опрошенных в этой аудитории доверяют каким-либо партиям, хотя около трети готовы пока голосовать за партию власти (скорее всего, они голосовали бы за любую партию, стоящую у власти). Следующими по популярности идут коммунисты, в то время как уровень поддержки националистов на порядок меньше. В рамках проекта «Этнополитическая проблематика в российской блогосфере» мы исследовали самую массовую социальную сеть «ВКонтакте». Националисты там не превосходят по активности сообщество левого толка, которое, столь же негативно относясь к Западу, как и большинство русских националистов, решительно отвергает лозунг «Россия для русских». Чуть меньшая по численности, но сопоставимая с националистами по активности аудитория социальной сети, называющая себя «либералами». Это идеологическое течение категорически и почти тотально не приемлет этнический национализм, так же как последний в массе своей не приемлет либерализм.

Русский национализм политически неоднороден. В нем существуют разные идеологические течения – левое, правое, а недавно появился крохотный либеральный ручеек. Скорее всего, политическое размежевание в русском национализме будет возрастать, что не укрепляет его позиции на политической арене.

Важно отметить, что в русском национализме усиливается оппозиция к власти. Эти настроения привели к тому, что какая-то часть националистов (пусть и меньшинство) в декабре 2011 г. и весной-летом 2012 г. приняла участие в беспрецедентных по массовости митингах протеста. Они представляли собой прообраз широкой коалиции политических сил. Судя по исследованиям Левада-центра, на них более 60% составляли те, кто именовал себя либо демократами, либо либералами; 13–18% – коммунистами; 10% – социал-демократами и 6–14% – русскими националистами.

В отличие от протестных движений 2010 г., в которых социальное недовольство, прежде всего коррупцией и произволом чиновников, трансформировалось в массовые этнические фобии, митинги 2011–2012 гг. были сугубо гражданскими по характеру требований – 73% участников недовольны фальсификацией выборов и 52% – общей невозможностью влиять на власть. Оказалось, что российская власть все же способна содействовать развитию гражданского движения, но косвенным образом, объединяя против себя разные политические силы.

Люди, объединенные протестной активностью 2011–2012 гг., не называли себя гражданскими националистами, но по сути своей ими являлись. Большая часть из них представляла те социальные слои, которые по уровню образования, предприимчивости, квалификации вполне могли влиться в ряды людей с космополитическими ценностями, составляющими основной поток в «утечке умов» из России. Но люди, участвовавшие в движении гражданского протеста 2011–2012 гг., не уезжают в более комфортные страны. Они создают в России волонтерские организации, оказывают помощь пострадавшим при стихийных бедствиях, защищают от разрушения исторические кварталы городов и от хищнической вырубке леса. Это люди активистской культуры, они готовы остаться в своей стране и претерпеть не только дискомфорт, но иногда и серьезные опасности, куда большие, чем политически мотивированные обыски или травля в прессе. Чтобы все это перенести, нужно продемонстрировать вовсе не космополитизм, а повышенную привязанность к своей стране. **Гражданские активисты, которых в социологических терминах можно было бы назвать и гражданскими националистами, демонстрируют свое желание изменить тип государства, сделать его национальным в том смысле, чтобы оно подчинялось и служило обществу-нации, а не отдельным олигархическим группам или бюрократическим корпорациям.**

Такое государство-нация (сохраняющее множество ареалов расселения народов с разными традиционно-культурными идентичностями) может и, скорее всего, начнет формироваться в России на основе широкой политической коалиции и гражданской консолидации в целях преодоления авторитаризма, произвола и коррупции. Подобные цели чаще всего являлись начальным импульсом национально-гражданской консолидации в XX веке, а негативная консолидация – самый распространенный дебют становления государств-наций в мировой истории. Однако на этом этапе возможны развилки. Протестные настроения могут привести к формированию как гражданских, светских наций, так и этнократических и теократических сообществ, как это случилось после исламской революции 1979 г. в Иране. Пришедший тогда к власти теократический режим жестоко расправился со

своими недавними союзниками по антимонархической и антикоррупционной коалиции.

На мой взгляд, в России возможно одновременное проявление двух указанных сценариев, локализованных в разных географических пространствах. На большей части страны, в урбанизированных регионах центра и востока, будут усиливаться тенденции гражданской консолидации. Этому содействует ослабление веры в спасительную роль элит, осознание малой вероятности появления элиты, способной произвести модернизацию сверху. Как раз в постимперских условиях преобладают элиты, тяготеющие к сохранению статус-кво, не стремящиеся к переменам. В такой ситуации укрепляется идея народного суверенитета – граждане воспринимаются не только как источник власти, но и как двигатель перемен.

На юге страны протестные настроения пока быстро трансформируются в этническую или религиозную мобилизацию, и мала вероятность изменения этих тенденций в ближайшей перспективе.

Разновременное развитие регионов – достаточно распространенное явление. Например, в Италии модернизированный север тянет за собой консервативный юг, хотя временами у северян возникает соблазн сбросить с себя эту ношу. Возможно, по похожему сценарию будет развиваться и Россия. Однако это вопрос весьма отдаленной перспективы.

Актуальная повестка дня состоит в осознании интеллектуальной элитой России важности первого, самого массового этапа национальной консолидации – не этнической, а гражданской, которая пока только созревает. Массовые митинги 2011 и 2012 гг. были ее предвестниками.

* * *

В заключение подчеркну идеи, которые составляют основу этой статьи:

Во-первых, национальное государство и национальное общество являются перспективными формами политической организации для стран и регионов, сохраняющих значительные пережитки имперской организации. В России к таким пережиткам можно отнести: *«имперское тело»*, понимаемое как территория государства, расколота на отдельные слабо связанные между собой ареалы расселения, и разобщенное население с самым высоким в мире уровнем взаимного недоверия и сравнительно высоким уровнем ксенофобии; *имперский авторитарный порядок*; и наконец, *имперское, подданическое сознание*, преобладающее у большинства жителей. Все эти явления связаны между собой, представляя единый имперский синдром, составляющий основу исторической инерции в России. Ее преодоление возможно лишь при активизации гражданского сознания и национальной кон-

солидации граждан – единственных предварительных условий политической трансформации, демократизации политической жизни. На мой взгляд, эти предпосылки сейчас начали проявляться в России.

Во-вторых, в полиэтнических государствах, сохраняющих ареалы компактного расселения многочисленных этнических групп, политическая нация не может формироваться на основе мобилизации и консолидации какой-либо одной этнической общности. Думаю, что в России развитие политической нации может происходить не в той последовательности, которая чаще всего наблюдалась в истории (хотя были и иные примеры): не от этнонационального объединения к гражданскому, а в некотором смысле наоборот – от гражданской консолидации представителей разных этнических и религиозных групп к формированию единого национального самосознания граждан России. Разумеется, в этом случае в рамках единого национально-гражданского сознания будут сохраняться разнообразные этнические и религиозные идентичности. Можно назвать эту модель «швейцарской». Эрнест Ренан предвидел, что она может стать основной в его будущем, то есть в нашем настоящем.

В-третьих, этнонационализм в нынешних условиях не может быть стратегическим союзником сил, заинтересованных в модернизации России. Вместе с тем эти силы, осознавая невозможность модернизации сугубо элитарной, неизбежно будут нуждаться в массовой поддержке, в национальной консолидации, **следовательно, и в национализме, но в ином – гражданском.**

Эрнст Геллнер связывал «появление Нового мира» (модернизацию XIX–XX веков) с национализмом – идеологией «соединения государства с национальной культурой». И эта мысль классика не утратила актуальности для стран с незавершенным процессом модернизации. Однако современная разновидность национальной культуры, сохраняя традиционные ценности (заинтересованность судьбой своей страны и гордость ее историческими культурными достижениями), все больше проявляется как культура гражданская. В ней преобладают ценности народного (гражданского) суверенитета, верховенства закона, равноправия, свободы самовыражения и т.п. Такая культура может стать основой для консолидации людей с разными этническими и религиозными идентичностями.